

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНЦЕПЦИИ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ТРАНС- ФОРМАЦИИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА Т.ЗАСЛАВСКОЙ

Трансформационные процессы, происходящие в различных странах мирового сообщества, имеют ярко выраженные социально-экономические, социально-политические, социокультурные, геополитические особенности. В современной социологической науке принято выделять возникший два десятилетия назад феномен постсоветской трансформации, с присущими только ему противоречиями и закономерностями. Сложность работы над изучением постсоветских трансформаций заключается в том, что исследователь не может смотреть на нее отстраненно, он находится в одном пространстве и в “режиме реального времени” с самим процессом.

Социологами разработаны различные концепции этого процесса, его сущности. Польский социолог П. Штомпка выдвинул *теорию социокультурной травмы* [1]. В западной социологии существуют и другие теории постсоветской трансформации, например, *эволюционная теория*, которая базируется на идее проектирования капитализма на основе неоклассической экономики и рационализме в духе марксизма [2], *инволюционная теория*, или теория зависимой от прошлого опыта трансформации [3]. И. Селеньи выдвинул *теорию приспособления траекторий*, которая, по сути, является синтезом противоборствующих теорий [4]. Тем не менее, как замечает Е.Головаха, “классические и модные теории, получившие ныне широкое признание в мировой социологии, к сожалению, не могут быть непосредственно использованы для продуцирования адекватного знания в конкретных условиях постсоветской трансформации общества” [5, с. 22].

За последние два десятилетия вопросы теории и методологии исследования постсоветской трансформации общества достаточно широко рассмотрены в работах украинских [6; 7; 8] и российских социологов [9; 10; 11].

В то же время большое количество публикаций на эту тему не дает возможности говорить о завершении работы над построением целостной теории постсоветской трансформации. По нашему мнению, наиболее органичной и системной из существующих является деятельностно-структурная концепция социетальной трансформации российского общества Т.Заславской.

Являясь известным специалистом в области экономики аграрного сектора, Т.Заславская вместе с Р.Рывкиной стояла у истоков экономической социологии в СССР. Начиная с 1983 г., сферой научных интересов Т.Заславской являются проблемы качественной трансформации общества в целом. Научный интерес к проблемам трансформации советского общества отражен в ее многочисленных трудах, которые можно разграничивать на два больших периода. Это период 1983–1995 гг., когда ее статьи, интервью, доклады на конференциях в основном были посвящены процессу перестройки в постсоветской России. Сама Т.Заславская объединила их общим названием “Перестройка и экономические реформы” [12]. И период 1996–2004 гг., когда была собственно создана концепция трансформационного процесса в России. Творческий поиск автора нашел отражение в фундаментальном труде “Современное российское общество. Социальный механизм трансформации” [13].

Концепция Т.Заславской дает целостное представление о современных трансформационных процессах, их движущих силах и механизмах, она сумела найти подход к проблеме, который опирается на широкие междисциплинарные исследования, носит комплексный характер, в нем используется многоуровневый анализ и исследуется множество социальных субъектов, по-разному влияющих на ход трансформационных процессов. Теоретические построения кон-

цепции Т.Заславской находятся в компетенции деятельностно-структурной парадигмы, являющейся одной из развивающихся социологических моделей решения проблемы трансформации общества. Объектом исследования выступают трансформационные сдвиги как совокупность процессов, принципиально меняющих социетальное устройство посткоммунистических обществ. Причем Т.Заславская отдает предпочтение термину “посткоммунистические трансформации” перед “постсоциалистическими”, полагая, что общества, принадлежавшие к “мировой социалистической системе”, не были социалистическими в научном смысле слова, в то время как монополистическая власть коммунистической партии была одним из главных типологических признаков [13, с. 73].

Откликаясь на призыв известного чешского социолога П.Махонина о создании общей теории посткоммунистических трансформаций [14], Т.Заславская сконструировала типологическое пространство, которое вмещает в себя траектории сущностной трансформации посткоммунистических обществ, какими бы разными эти общества не казались на первый взгляд. Для этого были определены социетальные характеристики посткоммунистических обществ, которые служат ключевыми объектами трансформации. Трансформационные процессы, изменяющие эти характеристики, в свою очередь, отличаются от социальной динамики большей глубиной и системностью. Они меняют саму основу, природу общества.

Системное представление о трансформации современных обществ предполагает изучение их движения одновременно по трем осям.

Первой составляющей трехмерного пространства посткоммунистических трансформаций является уровень эффективности функционирования социальных институтов. “Наибольшее влияние на определение социетального типа того или иного общества оказывает качество четырех базовых институтов:

– степень легитимности, демократичности и эффективности власти;

– структура, развитость, легитимность и защищенность собственности;

– многообразие и зрелость структур гражданского общества;

– широта и надежность прав и свобод человека” [13, с. 120].

Об эффективности трансформаций в этой сфере можно судить по тому, насколько успешно продвигается *целенаправленное* реформирование перечисленных базовых институтов, насколько успешно совокупность социальных институтов выполняет свои основные функции в посткоммунистических обществах. Главным же критерием качества институциональной системы можно считать ее адаптационную способность, то есть способность общества конструктивно и своевременно отвечать на глобальные вызовы современности, на изменение геополитических и экономических условий, решать проблемы, связанные с природными и социальными катаклизмами.

Второй осью социетального пространства, сконструированного Т.Заславской, является качество социально-групповой структуры. Под социально-групповой структурой в данном контексте имеется в виду социально-групповой аспект общественного устройства, в отличие от социальной структуры в широком смысле, включающей и его институциональный аспект. Связь обеих структур выражается в том, что социально-групповая структура определяется системой ролей и статусов, порожденной институциональной моделью общества.

Оценкой эффективности функционирования социально-групповой структуры социетального пространства обществ, находящихся в состоянии посткоммунистических трансформаций, может служить соотношение позитивных функций и негативных последствий (например, закрепление отношений неравенства) сравниваемых социально-групповых структур.

Третьей осью социетального пространства трансформационных процессов является уровень человеческого потенциала. Методологической основой возникновения кон-

цепции человеческого потенциала была теория человеческого капитала, которая определила способности и знания человека как фактор *экономического* развития. Теория человеческого капитала позволила оценить экономическую роль образования, науки, охраны здоровья и т.п. Человек является основным элементом современной системы капитала, фактором производства в концепции человеческого капитала и целью общественного развития в концепции человеческого потенциала. В то же время концепция человеческого потенциала интегрирует в себе в значительной степени концепцию человеческого капитала, так как не только определяет человека и его потенциал основной целью общественного развития, но и основным инструментом достижения этой цели.

В концепции социетальной трансформации посткоммунистического общества «под человеческим потенциалом следует понимать фактор жизнеспособности общества (страны, государства), интегрально характеризующий его человеческие ресурсы как субъекта собственного воспроизводства и развития» [13, с. 168].

Человеческий потенциал общества является феноменом интегральным. Его структуру составляют относительно самостоятельные, однако взаимосвязанные элементы. Это социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный потенциалы. Они по-разному характеризуют способность и готовность общества к саморазвитию, ответу на вызовы времени. Т.Заславская считает динамику человеческого потенциала базовой характеристикой социетальной трансформации. Она позволяет судить об успешности или провале проводимых реформ и структурных преобразований. Поэтому ее можно использовать как для оценки социальной динамики отдельно взятого общества, так и для сравнения различных обществ, например, российского и украинского, имеющих общую «точку отсчета» в трансформационном процессе.

В настоящее время Украина и Россия вовлечены в глобальный экономический кризис, который затронул все

страны мира, особенно те, которые имеют несбалансированную экономику и неустойчивую социальную структуру. Пока еще нет достаточно достоверных данных о том, как именно кризис влияет на протекание трансформационных процессов в этих странах. Поэтому можно только сравнить, какими были характеристики человеческого потенциала перед его началом. Общей характеристикой трансформационного процесса в России и в Украине было то, что реформы практически не осуществлялись. В России на тот момент они были приостановлены [15], а в Украине имел место масштабный политический кризис.

Эмпирической основой для сравнительного анализа человеческого потенциала различных стран, в том числе Украины и России, могут служить данные Отчета о человеческом развитии 2007/2008 по Программе развития ООН, составленные на основе данных 2005 г. [16]. Напомним, что индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) рассчитывается на основе показателей ожидаемой продолжительности жизни, грамотности взрослого населения и образования на уровне начальной, средней и высшей школы наряду с показателем уровня дохода, основываемся на последних данных организаций-партнеров ООН, а также других официальных источников. Этот индекс используется для выявления отличий между уровнем развития человеческого потенциала развитых, развивающихся и недостаточно развитых стран, а также для оценки воздействия социально-экономической политики на качество жизни в этих странах.

Россия, занимая в общем списке стран 67-ю позицию (ИРЧП – 0,802) и опустившись на два пункта по сравнению с предыдущим обследованием, все же по классификации ООН относится к странам с высоким ИРЧП. Украина (ИРЧП – 0,788) поднялась с 77-го на 76-е место в мире, однако ее относят к странам со средним уровнем развития. О том, что в Украине и России реформы “пробуксовывают” особенно ярко свидетельствует тот факт, что посткоммунистические Литва, Эстония и Латвия находятся соответст-

венно на 42-м, 43-м и 44-м местах, а бывшие страны “социалистического содружества” Словения, Чехия, Венгрия и Польша – соответственно на 27-й, 32-й, 36-й и 37-й позициях. Перечисленные страны в результате достаточно жестких и непопулярных реформ все же смогли решить задачи реформирования в принципиально новых условиях, включиться в мировую систему в качестве самостоятельных мегаагентов, обеспечить эффективное развитие экономики и социальной сферы, обрести геополитический статус, обеспечивающий их национальную безопасность. Несмотря на то что и Украина, и Россия занимают не самые худшие позиции в мире, уменьшение продолжительности жизни и сокращение реальных доходов на душу населения привело к тому, что по индексу человеческого развития они не могут подняться до уровня 1992 г., когда Россия занимала 52-ю позицию в мире по этому показателю. И только высокий уровень образования населения наших стран является той составляющей в формуле расчета ИРЧП, которая удерживает его от катастрофического падения.

Вторым источником, эмпирической базой для изучения человеческого потенциала стран, находящихся в процессе посткоммунистических трансформаций, в данном случае – Украины и России, являются результаты международного социологического исследования, выполненного Институтом социологии НАН Украины в рамках мониторингового проекта “Европейское социальное исследование” (ESS) [17]. Полученные данные стали объективной и непредвзятой информацией о ходе социально-экономических и социально-политических процессов более чем в 20 странах Европы. Украинские исследователи присоединились к проекту в 2004 г., российские – в 2006-м. Поэтому сравнивать и анализировать интересующие нас показатели можно, опираясь только на данные третьей волны проекта, которая была осуществлена в 2006–2007 гг. Рассмотрим некоторые из них, которые являются характеристиками человеческого потенциала и выявляют социальное качество доминиру-

ющих типов человеческой личности, определяющих успешность трансформации посткоммунистических обществ.

Одной из важнейших характеристик человеческого потенциала страны является состояние здоровья ее граждан. По данным исследования, в Украине его оценили как хорошее и очень хорошее только 29,6% респондентов, тогда как в России – 35,0%. Это самые низкие показатели среди всех европейских стран. Более того, 45,7% населения Украины ощущает некоторые трудности или ограничения в обыденной жизни из-за хронических болезней, инвалидности, физических изъянов, физической слабости или проблем с психикой. В России таких людей 40,7%. Такие результаты дает политика финансирования системы здравоохранения по остаточному принципу в Украине и недостаточно сформированная страховая медицина в России. Но все же можно говорить о преимуществах даже такой, неполноценной страховой медицины. Подтверждением этому служит оценка респондентами состояния системы охраны здоровья своих стран. Украинцы оценивают его крайне негативно, средняя оценка по шкале от 0 до 10 баллов – 2.61. Оценка россиян по той же шкале несколько выше, но тоже негативная – 3.42.

Рассмотрим другую важную характеристику человеческого потенциала Украины и России – уровень образования граждан. Среднее значение времени, потраченного на получение образования украинцами и россиянами в целом соответствует европейским показателям, все же являясь их нижними границами (исключение составляет Португалия). Украинцы в среднем учились 11,25 года, а россияне – 12,08. Обращает на себя внимание то, что при относительно коротком времени основного обучения, жители Украины меньше граждан других стран Европы (за исключением Болгарии) склонны повышать свою квалификацию. Только 12,1% работающих посещали курсы, лекции, тренинги с целью усовершенствования своих знаний. Причем количество таких людей в Украине за

два года уменьшилось на 2,5%. В России люди уже больше понимают ценность дополнительных навыков, поэтому 17,7% граждан приобретали знания, повышали свой уровень. Это, конечно, тоже не соответствует среднеевропейским показателям.

В ряду рассматриваемых нами характеристик человеческого потенциала необходимо также оценить уровень политико-правового сознания населения Украины и России. В Украине только 14% населения совсем не интересуется политикой, в России – 22,5%. При этом действительно разбирается в политической ситуации очень небольшая часть граждан. Собственное мнение о политической ситуации в стране имеют всего 14,1% россиян и 18,1% украинцев. Очень мала степень доверия к институтам власти. Например, средняя оценка доверия Верховной Раде по шкале от 0 до 10 баллов – 2.32. Россияне доверяют Государственной Думе немногим больше – 3.38. Однако гражданские институты ни в Украине, ни в России не работают, люди в своей массе пассивны. Если 5,2% украинцев являются членами какой-либо политической партии, то в работе других общественных организаций, не связанных с политикой, участвует 1,4%. В России дело обстоит иначе: в партиях состоит только 2,9% населения, тогда как в общественных организациях работает 4,8%. В развитых демократических странах Европы показатель вовлеченности в общественные организации значительно выше, самый высокий в Финляндии – 33%, что свидетельствует о развитости гражданских институтов.

Приходится констатировать, что в Украине и России высок уровень социального равнодушия, что свидетельствует о неразвитости ценностного сознания и соответствующем состоянии общественной морали. На вопрос о том, как часто за последние 12 месяцев респонденты оказывали кому-либо активную помощь, 51,2% украинцев и 49,7% россиян ответили, что они вообще никому не помогали. Самыми гуманными в Европе являются шведы: только 12,8%

населения этой благополучной страны не склонны тратить свое время и силы на других людей.

Характеристикой человеческого потенциала также является социальное настроение. По удовлетворенности своей жизнью в целом по шкале от 0 до 10 украинцы занимают самую последнюю позицию – 4.39, причем уровень удовлетворенности за два года незначительно, но снизился: в 2005 г. он составлял 4.44. А россияне занимают третью позицию с конца, но все же они скорее удовлетворены – 5.25.

Нестабильная социально-экономическая и социально-политическая ситуация в Украине привела к значительному отставанию в развитии человеческого потенциала не только по сравнению с развитыми странами Европы, но и к некоторому отставанию по этому показателю от России. Это явление наблюдается даже при заметном сворачивании демократических институтов последней. Низкий уровень человеческого потенциала Украины и России накануне мирового экономического кризиса, согласно концепции социетальной трансформации посткоммунистических обществ Т.Заславской, является следствием непродуманной социально-экономической политики, несформированной социально-групповой структуры и слабости социальных институтов и украинского, и российского обществ.

Литература

1. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Под ред. В.А. Ядова. – М., 1996.
2. *Sachs J.* Postcommunist Parties and the Politics of Entitlements // *Transitions*. – 1995.
3. *Stark D.* Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe // *East European Politics and Societies*. – 1992. – 6(1).

4. *Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э.* Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе. – К., 2008.

5. *Головаха Е.И.* Социологическое знание и процесс исследования современных социальных процессов // Проблемы розвитку соціологічної теорії: Збірник матеріалів IV Всеукраїнської соціологічної конференції, 21 травня 2004 р., м.Київ. – К., 2005.

6. *Головаха Е., Панина Н.* Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 3.

7. Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д.Куценко, С.С.Бабенко. – Харьков, 2004.

8. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.А.Макеева, О.Д.Куценко. – К., 2003.

9. *Левада Ю.А.* От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. – М., 2000.

10. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб., 2006.

11. Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. / Под ред. Т.И.Заславской. – М., 2003.

12. *Заславская Т.И.* Избранное. Т.2: Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007.

13. *Заславская Т.И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М., 2004.

14. *Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constracting the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. – Praha, 1997.

15. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений. Доклад Т.И.Заславской и В.А.Ядова на открытии III Социологического конгресса, 21 октября 2008 г. – <http://www.polit.ru/2008/10/29soctransformations.html>.

16. Human Development Report 2007/2008. United Nation Development Program. – N.Y., 2007.

17. *Головаха Е. Горбачик А.* Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами “Європейського соціального дослідження” 2005–2007 роки. – К., 2008.